DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

А.А. Ярлыкапов¹

А.З. Адиев²

Введение
Исламское возрождение или
реисламизация?
«Традиционный» vs «нетрадиционный»
ислам?
Исламская мозаика
Маргинальные группы мусульман –
относительность «нетрадиционности»
Исламская мозаика и перспективы
государственно-конфессиональных
отношений
Заключение

Поступила в редакцию:
25.10.2021.
Передана на рецензию:
28.10.2021.
Получена рецензия: 12.11.2021.
Принята в номер: 30.11.2021.

Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности»³

МГИМО МИД России; ДФИЦ РАН; itbal@mail.ru , khalid_84@mail.ru

В статье анализируются результаты многолетних исследований современного разнообразия течений и форм ислама на Северном Кавказе, которое имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Работа основана на полевых этнографических исследованиях, которые регулярно проводились авторами с конца 1990-х гг. в Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Ставропольском крае и Дагестане. Используются также результаты фокус-групп, проведенных с учащейся и работающей молодежью в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Москве. Авторы пришли к выводу, что на Северном Кавказе после распада СССР произошла реисламизация, что объясняет широкое распространение на Северном Кавказе новых («нетрадиционных») форм ислама. Новые формы ислама в этих регионах России появляются вследствие глобализационных процессов, которые постепенно меняют исламское поле Северного Кавказа. Наблюдаемая здесь конкуренция различных форм ислама связана с геополитическими процессами на Ближнем Востоке и не вписывается в упрощенную дихотомию «традиционного» и «нетрадиционного» ислама для регионов Северного Кавказа. В этих условиях важно, чтобы государство находило правильные формы взаимодействия с исламскими общинами и избегало маргинализации тех или иных конфессиональных групп.

Ключевые слова: *ислам, Северный Кавказ, сунниты, суфизм, муфтият, салафизм, государственно-конфессиональные отношения.*

¹ *Ахмет Аминович Ярлыкапов* – ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований МГИМО МИД России, кандидат исторических наук; orcid.org/0000-0001-5173-0909.

² *Асланбек Залимханович Адиев* – с. н. с. Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН, кандидат политических наук; orcid.org/0000-0003-4459-7462.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31438 «Профилактика идеологии терроризма: опыт северокавказских республик 2010-2020».

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74

UDC 297

Content of the article

Information about the article

A.A. Yarlykapov⁴

A.Z. Adiev⁵

Introduction.
Islamic revival or re-Islamization?
“Traditional” vs “non-traditional” Islam?
Islamic mosaic.
Marginal groups of Muslims – the
relativity of “unconventionality”.
Islamic mosaic and prospects of state-
confessional relations.
Conclusion.

Received: 25.10.2021.
Submitted for review:
28.10.2021.
Review received: 12.11.2021.
Accepted for publication:
30.11.2021.

Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization, and the Problem of “Traditionality”⁶

*MGIMO University; Dagestan Federal Research Center RAS; itbal@mail.ru ,
khalid_84@mail.ru*

This article is a result of many years of research into the contemporary diversity of currents and forms of Islam in the North Caucasus, which tends to increase further. The work is based on ethnographic field research conducted regularly since the late 1990s in Adygea, Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, Ingushetia, Stavropol Territory, and Dagestan. We also used the results of focus groups conducted with students and working youth in Dagestan, Karachay-Cherkessia, and Moscow. The authors conclude that there has been a re-Islamization in the North Caucasus, rather than a revival of “traditional” forms of Islam in the North Caucasian regional communities, which explains the spread of new (“non-traditional”) forms of Islam in the North Caucasus. New forms of Islam in these regions of Russia are emerging as a result of globalization processes that are gradually changing the Islamic field in the North Caucasus. The competition between different forms of Islam observed here is connected with the geopolitical processes in the Middle East and does not fit into the simplistic dichotomy of “traditional” and “non-traditional” Islam for the regions of the North Caucasus. In this context, it is important for the state to find the right forms of interaction with Islamic communities and avoid the marginalization of certain confessional groups.

Keywords: *Islam, North Caucasus, Sunnis, Sufism, Muftiate, Salafism, state-confessional relations.*

Введение

Северный Кавказ – историко-географическая область России, расположенная в горах и на северных склонах Кавказского хребта, прилегающих предгорьях и равнинах. Здесь проживает несколько десятков народов и

⁴ Akhmet Aminovich Yarlykapov – Cand. Sc. (History), główny researcher at the Center for Euro-Asian Studies, MGIMO University; orcid.org/0000-0001-5173-0909.

⁵ Aslanbek Zalimkhanovich Adiev – Cand. Sc. (Politics), senior researcher at the Regional Center for Ethnopolitical Research, Dagestan Federal Research Center, RAS; orcid.org/0000-0003-4459-7462.

⁶ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31438 “Prevention of the ideology of terrorism: the experience of the North Caucasian republics 2010-2020”.

распространено несколько десятков языков. Северный Кавказ включает в себя регионы Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) – Ставропольский край, Республику Дагестан, Чеченскую Республику, Республику Ингушетия, Республику Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкарскую Республику и Карачаево-Черкесскую Республику, а также два региона Южного федерального округа – Краснодарский край и Республику Адыгея. Основная масса нерусского населения северокавказских регионов России – мусульмане. Здесь мы наблюдаем высокие темпы естественного прироста населения, которые сохраняются, несмотря на происшедшие вооруженные конфликты, а социально-политическая нестабильность и экономический спад держатся в течение длительного времени, вызывая миграционный отток. Численность населения в совокупности регионов, составляющих СКФО, по данным Росстата, имеет положительный прирост за весь постсоветский и современный периоды и в настоящее время составляет почти 10 млн чел. По данным демографа Абдулманапова П., за последние 20 лет население округа увеличилось на 14 %, или в абсолютном выражении – на 1 222 тыс. чел., а процент ежегодного прироста численности населения СКФО составляет в последнее время около 0,5 % [1, с. 42]. Соответственно в структуре населения северокавказских республик высока доля молодежи, особенно в трех преимущественно мусульманских республиках СКФО: в Дагестане, Ингушетии и Чечне⁷.

Ислам на Северном Кавказе имеет давнюю историю. Первые мусульмане здесь появились после завоевания арабами Дербента и его окрестностей [15, с. 17]. Ислам проникал сюда с двух направлений: с юга (из Месопотамии и Ирана) – суннизм шафиитского толка (мазхаба) и шиизм имамитского (джафаритского) толка; с севера (из Средней Азии через Золотую Орду, а затем из ее осколков) – суннизм ханафитского толка. Окончательно суннизм ханафитского толка здесь утвердился во времена Крымского ханства и Османской империи. На Кавказ оказывалось и суфийское влияние: здесь распространились практики разных суфийских орденов – изначально накшбандийя, а затем – кадирийя и шазилийя [3, с. 111].

Современная карта распространения ислама на Северном Кавказе сильно изменилась. К началу XX в. регион имел следующие районы распространения разных течений ислама: в Дагестане, Чечне, Ингушетии – суннизм с преобладанием шафиизма при сильном влиянии суфизма; на Юге Дагестана – довольно значительное количество шиитов, в основном азербайджанцев; в Центральном и Северо-Западном Кавказе преобладает суннизм ханафитского толка. Сегодня происходит рост контактов последователей двух суннитских толков – ханафитского и шафиитского. Этот процесс идет на фоне роста числа тех, кто выступает за уничтожение границ между разными толками ислама.

На Северном Кавказе в конце 80-х гг. XX в. появились салафиты, которые представлены разными группами, порой находящимися друг с другом в открытом конфликте. На Северо-Восточном Кавказе увеличение количества салафитов происходило на фоне укрепления издавна распространенного здесь суфизма, неожиданно получившего политическую поддержку от государства⁸. Это привело

⁷ Казенин Константин. «Кавказская специфика» объясняется демографическими особенностями региона // ИА «ТАСС». 30 августа 2016. – Режим доступа: <https://tass.ru/opinions/3576746>.

⁸ Вспомним, что со времени завоевания Северного Кавказа власти России, как имперские, так и советские, всегда подозрительно относились к суфийским группам, подозревая их в неблагонадежности.

к серьезным трениям и открытым конфликтам между суфиями и салафитами. В исследуемом регионе присутствуют также и достаточно маргинальные группы мусульман: представители Хизб ут-Тахрир, нурсистов, так называемых «крачковцев» и т. д. Наличие такого многообразия форм ислама на Северном Кавказе и наблюдаемая в последние годы тенденция к дальнейшему усилению мозаичности ислама в регионе требуют своего учета в государственно-конфессиональных отношениях и всестороннего научного осмысления.

Исламское возрождение или реисламизация?

Движение, которое охватило мусульманские сообщества Северного Кавказа в конце 1980-х – начале 1990-х гг., часто описывается кавказоведами как «исламское возрождение». Якобы в советские годы ислам находился в подавленном, но живом состоянии. Ослабление советской власти, затем и падение атеистического Советского Союза привело к тому, что ислам здесь стал активно возрождаться [2; 4]. Однако к середине 1980-х годов на Северном Кавказе осталось очень мало реально функционирующих исламских институтов. Духовное управление мусульман Северного Кавказа во главе с муфтием Махмудом Геккиевым, располагавшееся в Махачкале, находилось под полным контролем коммунистической власти. На большей части территории Северного Кавказа не сохранилось такого важного института, как мечеть. Даже в традиционно наиболее исламизированном Дагестане к середине 1980-х годов осталось лишь 27 мечетей [5, с. 121]. Небольшие группы практикующих мусульман, сохранившиеся в республиках Северного Кавказа, были вынуждены собираться в молельных домах при кладбищах. В полном упадке находилось и религиозное образование. За исключением суфийских образовательных учреждений в некоторых районах Дагестана, система исламского обучения нигде не сохранилась. Многие муллы были безграмотны и читали молитвы, написанные в блокнотах по-арабски кириллицей. На большей части Северного Кавказа умеющих читать по-арабски оставалось крайне мало даже среди тех, кто профессионально занимался религиозной деятельностью.

Упадок исламских институтов на Северном Кавказе привел к расцвету обрядов, к которым исламская ортодоксия относилась резко отрицательно. Это касалось не только похоронно-поминальной сферы, где изобиловали неисламские по происхождению элементы [11, с. 256]. В 1960–1970-е годы на Северном Кавказе стали намного активнее проводить такой обряд, как мавлид ан-наби (День рождения Пророка). Этот обряд включал в себя и проповедь, и рассказы о Пророке и исламе, и совместную молитву, тем самым компенсируя отсутствие многих важных исламских институтов в регионе. Именно через мавлиды, которые проводились не только в месяц рождения Пророка, но и по многим другим поводам (свадьба, проводы в армию и т. д.), верующие получали представление о своей религии [7, с. 63].

Таким образом, к концу 1980-х гг. в большинстве регионов Северного Кавказа практически нечего было возрождать. Те религиозные обряды, которые еще сохранялись, способствовали лишь сохранению исламской идентичности, но не могли заменить полноценную исламскую религиозную практику. То есть жители региона продолжали себя считать мусульманами, но зачастую не имели представления даже о молитве. Не знали они также и о том, во что должен верить мусульманин, кроме разве что единого Бога – Аллаха.

Процессы восстановления исламской религии на большей части территории Северного Кавказа не могли быть ничем, как реисламизацией. Формально

являющиеся мусульманами жители региона заново становились мусульманами – снова получали представление о той религии, которую они считали своей, учились молиться, поститься и т. д. В ходе этой реисламизации многие становились «реальными мусульманами» без какой-либо связи с местной исламской традицией, которая к тому времени во многих локациях Северного Кавказа была утрачена.

«Традиционный» vs «нетрадиционный» ислам?

Распространение исламских течений зависело от того, кто занимался реисламизацией в определенных населенных пунктах. Там, где действовали местные муллы и суфийские проповедники, распространялись традиционные для этих территорий толки и течения. Но такая ситуация могла сложиться и в случае участия иностранных проповедников: например, действовавшие в Адыгее проповедники из Турции распространяли традиционный для региона ханафитский мазхаб. Проповедью занимались также разнообразные группы салафитов, особенно среди молодежи. В итоге сложились мощные молодежные салафитские сообщества, подобные Кабардино-Балкарскому джамаату, который просуществовал до октября 2005 года [17, с. 305–306].

Происходило также соперничество так называемых «традиционных» форм ислама. Например, в той же Адыгее наблюдалось быстрое распространение шафиитского мазхаба в мечетях республики, что было следствием запрета строительства мечети в Краснодаре. Десятки тысяч мусульман из Краснодара, в основном дагестанцы и чеченцы, были вынуждены каждую пятницу отправляться в расположенные поблизости мечети Адыгеи. Хотя имамами в мечетях Адыгеи были ханафиты, большинство участников пятничных молитв принадлежало к шафиитскому мазхабу. Интересно, что имам мечети расположенного в семи километрах от Краснодара села Тахтамукай, решив последовать за собирающимся по пятницам джамаатом, начал проводить молитвы по правилам шафиитского мазхаба, а затем и сам стал шафиитом⁹. Популярными в 1990 – начале 2000-х гг. поездки проповедников на автобусах из Дагестана в регионы Северо-Западного Кавказа вызвали негативное отношение Духовного управления мусульман (ДУМ) Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, так как они пытались распространять нетрадиционные для региона шафиитский мазхаб и суфизм. Недовольство муфтиев ряда северокавказских республик в 2017 году также вызвало распространение в этих регионах газеты «Ас-салам» (печатного органа ДУМ Дагестана), что воспринималось на местах как духовная экспансия дагестанского муфтията [9].

Успех салафитов, которые воспользовались реисламизацией и сумели распространить свое влияние во многих регионах Северного Кавказа [13], повысил политическое значение деления ислама на «традиционный» и «нетрадиционный». Единой для Северного Кавказа формы «традиционного» ислама, естественно, не было – на Северо-Западном Кавказе под ним понимался суннизм ханафитского мазхаба, а в Дагестане, Чечне и Ингушетии не только шафиитский мазхаб, но и определенная форма суфизма. Например, в Дагестане традиционной считалась та форма суфизма, которая была связана с Саидом-афанди аль-Чиркави; многих других шейхов не только не признавали, но и считали «ложными шейхами» (муташейх). Разные же группы салафитов, несмотря на то что они не представляли собой единого течения, объявили «ваххабитами», подчеркивая тем самым их связь с Саудовской Аравией. Практически везде государство приняло сторону

⁹ Ярлыкапов А.А. Интервью с А. Мамий, имам-хатыбом мечети (село Тахтамукай, Республика Адыгея) (Полевой материал. 12 марта 2004).

«традиционного» ислама, как правило, связанного с региональными ДУМ, что привело к преследованию сторонников «нетрадиционных» форм ислама, в большинстве своем называемых «ваххабитами», вне зависимости от того, мирной была их деятельность или нет. Наиболее показательна судьба Кабардино-Балкарского джамаата, который изначально был нацелен на мирную деятельность и сотрудничество с государством и ДУМ Кабардино-Балкарии. Однако репрессии и насилие привели к тому, что в октябре 2005 года члены джамаата выступили с вооруженным мятежом, который поставил крест на его деятельности.

Иногда наличие «ваххабитов» использовалось напрямую в политических целях дискредитации, например, этнических движений. В 1990-х годах на Северном Кавказе разворачивалась деятельность этнических движений, бывших серьезной проблемой для местных властей. В конце 1980-х годов было создано общеногайское общественно-политическое движение «Бирлик» («Единство»), которое поставило целью создание национально-территориальной автономии ногайцев в составе Российской Федерации на территории Ногайской степи – месте наиболее компактного расселения народа (здесь сконцентрированы 52 ногайских населенных пункта). Несколько съездов ногайского народа (один даже был проведен совместно с терскими казаками) провозгласили суверенитет и создание Ногайской автономии в составе РФ, однако ни одно из этих решений лидеры организации «Бирлик» не смогли воплотить в жизнь [10]. Более того, ставропольским и дагестанским властям в 1990-е – начале 2000-х годов удалось успешно эксплуатировать антиногайский образ религиозного экстремиста («ваххабита»), который якобы в больших масштабах взращивался именно в Ногайской степи (например, публикация М. Хайруллина, формирующая образ ногайца-ваххабита)¹⁰. Этим манипуляциям «Бирлик» так и не смог дать достойный отпор, а региональные власти использовали созданный ими демонический образ ногайца-ваххабита для окончательной дискредитации идеи создания национально-территориальной автономии ногайского народа. Их расчет был точен: не будет же федеральный центр серьезно рассматривать возможность создания автономии для народа, подверженного столь разрушительной идеологии.

Собственно, всплеск религиозного радикализма в Ногайской степи, особенно в Нефтекумском районе Ставропольского края, и был связан с нерешенностью проблем ногайского народа. Этим пользовались, например, лидеры и идеологи запрещенной в России террористической организации «Имарат Кавказ», выделившие всю территорию Ставропольского края в качестве воображаемого вилаята «Ногайская степь» [14]. Также в составе самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия был создан отдельный ногайский избирательный округ, позволивший ногайцам Шелковского района избрать своего депутата. Им стал Султан Даутов, которого считали одним из основателей и активных участников так называемого «Ногайского батальона».

Впрочем, это сильно упрощенное представление, что на Северном Кавказе протестную исламскую группу представляют только салафиты, так называемые «ваххабиты» [3, с. 376–396]. Среди «традиционных» и якобы полностью лояльных светской власти суфиев также находятся те, кто выражает протестные настроения. В частности, есть оппозиционные группе самого влиятельного шейха Саида-афанди¹¹ суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с

¹⁰ Хайруллин М. Людоеды желтой воды // Московский комсомолец. 21.09.2003. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/old/article/2003/09/21/126989-lyudoedyi-zheltoy-vodyi.html>.

¹¹ Несмотря на то, что Саид-афанди Чиркеевский погиб в результате террористического акта

государством и существующим режимом. Они обосновывают свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Изменить положение дел сейчас они не могут, поэтому запрещают своим последователям идти против власти с оружием в руках, но рекомендуют минимизировать контакты с ней. У них есть также своя параллельная система образования. В частности, в дагестанском селе Новосеребряковка действует крупнейший исламский институт, неподконтрольный Духовному управлению мусульман Дагестана¹². Таким образом, салафиты – не единственные, кто представляет оппозиционную линию в исламе и действительно хочет установить свою политическую систему. Серьезные изменения произошли и в среде экстремистски настроенных салафитов¹³: за прошедшие 20 лет они потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и как этого добиться. Это, в частности, привело к тому, что молодые радикальные мусульмане стали все чаще искать информацию в Интернете и легко поддаваться онлайн пропаганде таких деструктивных организаций, как ИГИЛ¹⁴, и других «джихадистов» – международных террористических организаций, исповедующих исламистскую идеологию [12]. Иными словами, разделение на «традиционный» и «нетрадиционный» ислам стало играть на Северном Кавказе политическую роль, помогая расправляться с противниками. В то же время даже так называемые «традиционные» группы оказываются в свою очередь разделенными на «более традиционные» и «менее традиционные».

Исламская мозаика

Несмотря на то, что Северный Кавказ является преимущественно суннитским регионом, на религиозную ситуацию здесь серьезно влияет происходящая на Ближнем Востоке эскалация суннитско-шиитского противостояния. Суннитские державы Ближнего Востока с тревогой следят за тем, как шиитский Иран шаг за шагом укрепляет свое положение в регионе. Идет усиление «шиитского полумесяца» при активном участии Ирана, суннитские государства все чаще терпят поражение – от провала попыток свержения Асада до трудностей с подавлением хуситского восстания в Йемене [16]. Очевидно, что противостояние шиитских и суннитских сил на Ближнем Востоке будет продолжаться. Самое интересное, что обе стороны используют фундаменталистские версии своих направлений ислама в этом противостоянии. Иран распространяет свою версию шиитского фундаментализма, а также поддерживает по всему региону фундаменталистские и радикальные шиитские группировки. Королевство Саудовская Аравия (КСА) и его суннитские союзники поддерживают через частные фонды различные суннитские радикальные группировки.

Однако сложившаяся ситуация не укладывается в черно-белую картину суннитско-шиитского противостояния. Это явно показал последний кризис с предъявлением ультиматума Катару со стороны четырех суннитских государств региона (Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ и Бахрейн). Катар получил серьезные обвинения в финансировании террористических группировок на Ближнем Востоке

28 августа 2012 г., мы можем упоминать его во главе группы мюридов, поскольку до сих пор нет фигуры такого же масштаба, которую можно было бы назвать его преемником.

¹² Ярлыкапов А.А. Интервью с Шамилем Шихалиевым (Полевой материал). – Махачкала, 20.07.2019.

¹³ Таких салафитов в Дагестане обычно называют «ваххабитами».

¹⁴ ИГ, ИГИЛ (Исламское государство) – террористическая организация, запрещенная в России.

и их информационной поддержке [6]. И если требование закрыть крупнейший межарабский спутниковый канал «Аль-Джазира» формально подходит под эти обвинения, то другие требования вызывают сомнения в истинности того, что именно финансирование террористических организаций стало настоящей причиной столь решительных действий. Требование сократить связи Катар с шиитским Ираном и закрыть турецкую военную базу на первый взгляд никак друг с другом не связаны. Однако в той религиозной мозаике, которая складывается на суннитском поле Ближнего Востока и всего исламского мира, мы можем найти объяснение логичности этих требований и их взаимосвязь.

Для этого надо проанализировать то, что происходит с салафитским движением. Полевые исследования, проведенные авторами на Северном Кавказе, показывают, что среди салафитских групп распространен самый широкий спектр интерпретаций ислама, что ведет к активному дроблению этого движения. Здесь и молодежные джамааты (общины), и «безмазхабники» (которые не следуют ни одному из четырех основных толков ортодоксального ислама), и мадхалиты (умеренные салафиты, сторонники сотрудничества с властью), и так называемые «ихванизированные» салафиты (от араб. «ихван аль-муслимин», т. е. «Братья-мусульмане»). «Ихванизированными» называют салафитов, испытавших серьезное влияние идей Юсуфа аль-Кардави и движения «Братьев-мусульман»).

Все эти группы салафитов – результат дробления салафитского движения на Ближнем Востоке. Но большинство там все еще составляют т. н. «классические» ваххабиты – те, кто придерживается взглядов Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и поддерживает королевскую власть, государственный строй КСА. Лидеры этой группы – в первую очередь муфтий КСА, шейх Абд аль-Азиз Ал аш-Шайх, шейхи Албани, Усеймин, Салих аль-Фаузан. Их взгляды отличаются относительной умеренностью, как в вопросах вооруженного джихада, так и в вопросах политической лояльности.

Другая группа, которая откололась от «классической» и критикует ее, а также современный строй КСА, – ваххабиты-«джихадисты». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе методов. Они считают, что сегодня необходимо вести всем мусульманам без исключения оборонительный джихад, поскольку мусульмане якобы везде подвергаются агрессии. Именно на их подходе основана идеология ультрарадикальной международной террористической организации «Аль-Каида» и ее сторонников по всему миру.

Саудовский режим вначале успешно вытеснял их за пределы королевства. «Джихадисты» активно действовали, например во время советского военного присутствия в Афганистане, и распространились по другим странам. Однако к 2000-м годам они уже стали покушаться на само королевство и его устои, что вызвало ответные репрессивные меры саудовского режима. И тогда начались репрессии в отношении их лидеров – королевские власти посадили в тюрьму шейха Мухаммада аль-Кахтани, известного мухаддиса шейха Сулеймана аль-Ульвана, шейха Абу Мухаммада аль-Макдиси. Последний – духовный наставник аз-Заркави, стоявшего у истоков международной террористической организации ИГ. Всех этих лидеров и их последователей обычно называют «хариджитами», подчеркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство».

Наконец, еще одна, уже упомянутая выше группа, которая показывает, насколько динамично может меняться салафитское поле и насколько оно причудливо. Речь идет о тех салафитах, которые попали под влияние известного проповедника из Катар, симпатизирующего «Братьям-мусульманам», Юсуфа аль-

Кардави. Яркими представителями этой группы являются саудовские шейхи Мухаммад аль-Ариффи и Сальман аль-Ауда. Во главе со своим лидером египтянином аль-Кардави, находящимся в Катаре, эти люди практически перешли к методологии «Братьев-мусульман», сохранив салафизм лишь в сфере вероубеждения. Соответственно эти салафиты более гибки в политической сфере и выступают против демонизации Ирана. Они симпатизируют политике турецкого президента Реджепа Эрдогана, также близкого по своим позициям «Братьям-мусульманам».

Этот конфликт имеет российское измерение, поскольку те изменения, которые происходят на салафитском поле, касаются и России. Полевые исследования показывают, что на Северном Кавказе среди салафитов довольно большую долю составляют как раз последователи шейхов Мухаммада аль-Ариффи и Сальмана аль-Ауды. Традиционно среди них высока популярность аль-Кардави, а также продвигаемого катарскими властями учения об умеренности и срединном пути «Аль-Васатыйя». Учение это получило серьезную отповедь в фетвах провластных ваххабитских муфтиев КСА как «прошиитское» и относящееся к «заблудшему учению ихванов».

Северный Кавказ также постепенно становится ареной пока незначительного, но тем не менее активного продвижения иранского влияния. Помимо традиционно живущих в Южном Дагестане шиитов (практически все они – живущие в районе Дербента азербайджанцы), на Северном Кавказе появилась небольшая, но устойчиво растущая шиитская община, состоящая из новообращенных из числа суннитов-мусульман. Так, новая шиитская община, в которую входят несколько сотен бывших суннитов, сложилась в Махачкале. Менее многочисленные общины «новых шиитов» представлены и в других регионах Северо-Кавказского федерального округа, в том числе и в центре округа – городе Пятигорске (в эту общину входят и обращенные в шиизм русские). Эти общины имеют тесную связь с богословами из Ирана, их члены – поклонники иранской культуры.

Иранское влияние на Северном Кавказе продвигается и через культурный обмен. В частности, большой резонанс в регионе получила демонстрация фильма иранского режиссера Маджида Маджиди «Мухаммед – Посланник Всевышнего». Многие мусульмане выражали свое недовольство этим, делая акцент на то, что фильм снят с шиитской точки зрения и продвигает именно шиитскую версию жизнеописания Пророка. Такой взгляд выразило и Духовное управление мусульман Чеченской Республики, аргументируя это нарушением запрета на изображение Пророка в фильме и «искажением истории ислама» (т. е. выражением шиитского взгляда на нее)¹⁵. И тем не менее Духовное управление мусульман Дагестана выразило согласие на демонстрацию фильма в кинотеатрах республики, активно его продвигая через своих представителей. Позиция дагестанского муфтията может быть воспринята как выражение успешности тактики иранских проповедников, считающих суфизм наиболее близким к шиизму течением в суннизме, через которое в первую очередь и следует проникать в суннитскую среду. Впрочем, позиция дагестанского муфтията в вопросе демонстрации фильма вызвала достаточно серьезные дискуссии среди дагестанских мусульман, подняв новую волну враждебности к шиитам и шиизму на форумах и в социальных сетях.

Шиитская идеологическая экспансия вызывает агрессивную реакцию

¹⁵ Фильм о Пророке разделил мусульман: Дагестан – за, Чечня – против // ИА «REGNUM». 18 ноября 2016. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2207213.html>.

другого муфтията – чеченского, также суфийского, но сильно отличающегося от дагестанского (в первом преобладает сильно «очечененная» версия кадирийского тариката, во втором – накшбандийский тарикат). 24 июня 2017 г. в сети было распространено обращение муфтия Чеченской Республики Салах-Хаджи Межиева по поводу запрета распространения шиитских книг¹⁶. Обращаясь к мусульманам республики на чеченском языке, муфтий подчеркнул: «Под видом своей культуры Иран распространяет религиозную литературу шиитского толка, тем самым искажая истинный путь Ислама. Такие книги, как принадлежащий перу Аятоллы Сайида Али Систани «Сборник фетв», Хусейну Сайиди «Личность Пророка Ислама», «Личность Али ибн Аби Талиба» и многие другие, сбивают с толку молодежь». Межиев довольно решительно заявил, что в Чечне не пройдут «ни ваххабизм, ни шиизм». Таким образом, ситуация вокруг фильма Маджида Маджиди показала всю неоднозначность устоявшихся представлений о «традиционном» и «нетрадиционном» исламе. Казалось бы, и дагестанские, и чеченские суфии являются представителями так называемого «традиционного» ислама, однако в вопросе демонстрации шиитского фильма их подходы сильно разошлись. При этом не стоит думать, что причина состоит в более толерантном отношении к шиизму у дагестанских суфиев. Довольно четко антишиитская позиция дагестанских суфиев выражается в той литературе, которая ими издается (в частности, издательским домом «Даруль-Фикр»)¹⁷.

Маргинальные группы мусульман – относительность «нетрадиционности»

Однако исламская мозаика на Северном Кавказе не ограничивается только лишь разными группами салафитов и суфиев. В частности, здесь представлена группа «Нурджулар», которая считается незаконной. Дело в том, что деятельность «Нурджулар» связана с изучением работ исламского богослова Саида Нурси (1878–1960) на турецком языке. Эти работы включены в федеральный список экстремистских материалов, а сама организация «Нурджулар» в 2008 году решением Верховного суда Российской Федерации признана экстремистской, и ее деятельность запрещена¹⁸. Многие лидеры организации, которая в основном действует в Дагестане, осуждены и отбывают сроки за свою деятельность¹⁹.

Несмотря на то что деятельность «Нурджулар» связана с изучением работ Саида Нурси на турецком языке, в организацию вступают не только представители тюркоязычных народов. По словам одного из лидеров организации в 2010–2017 годах Зиявдина Дапаева, в ней есть также представители нетюркоязычных народов. Они овладевают турецким языком в совершенстве, и таких в организации немало²⁰. Сегодня из-за непрекращающихся преследований организация оказалась практически в подполье.

¹⁶ Муфтий Чечни объявил о запрете на книги шиитского толка из Ирана // ИА «REGNUM». 27 июня 2017. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2293299.html>.

¹⁷ См. Сокрушительный удар по шиитским воззрениям (с сокращениями). – М.: ИД «Даруль-Фикр», 2020. – 144 с.

¹⁸ В России наложен запрет на деятельность организации «Нурджулар» // Интернет-СМИ «Кавказский узел». 11 апреля 2008. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/134853/>.

¹⁹ Житель Дагестана осужден за создание ячейки «Нурджулар» // Интернет-СМИ «Кавказский узел». 31 мая 2018. – Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/321143/>.

²⁰ Ярлыкапов А.А. Интервью с Зиявдином Дапаевым // Ярлыкапов А.А. Полевой материал. – Махачкала, 17 апреля 2010.

В Дагестане также действует очень интересная группа коранитов, известная как «крачковцы». Она небольшая – не более 100 человек. Название этой группы происходит от фамилии переводчика Корана на русский язык, академика И.Ю. Крачковского. Дело в том, что они выступают за чтение Корана на понятных верующим языках, соответственно в России – на русском языке. Лучшим «крачковцы» считают перевод Корана на русский язык И.Ю. Крачковского. Руководитель этой общины Мухаммад Казакбиев в 2010 году объявил себя мессией – Махди, что привлекло внимание радикальных мусульман к его маргинальной группе. На общину совершались нападения, а в июне 2010 года лидер общины был убит в результате покушения [8]. Сегодня община старается не привлекать к себе внимания.

Еще одна маргинальная исламская группа – это «Хизб ут-Тахрир». В отличие от поволжских регионов, на Северном Кавказе «Хизб ут-Тахрир» появилась поздно – примерно в 2007 году, так как в 1990-е гг. практически все группы салафитов активно боролись с проникновением идеологии «Хизб ут-Тахрир» в регион. Собственно, эта борьба и была вызвана активными действиями тахрировцев по созданию собственных ячеек на Северном Кавказе. Проникновению эмиссаров «Хизб ут-Тахрир» салафиты препятствовали как физически, так и идеологически – велась антихизбовская пропаганда в ходе проповедей, издавались разоблачительные брошюры и листовки, в частности о структуре партии, ее идеологии и «заблуждениях». Наиболее подробно эта деятельность изучена на примере Кабардино-Балкарского джамаата. Анзор Астемиров и Расул Кудиев, идеологи джамаата, переводили антитахрировскую литературу с арабского языка, готовили разоблачительные листовки, статьи и брошюры²¹. Были также организованы учеба и семинары для членов джамаата, чтобы оградить их от идеологии партии «Хизб ут-Тахрир» (как ни странно, борьба велась также и против идеологии «Нурджулар», хотя они никакой угрозы для салафитов не представляли) [17, р. 312].

Сегодня партия «Хизб ут-Тахрир» на Северном Кавказе немногочисленна, часто в партию приходят маргиналы. Нередки случаи, когда она является для местных мусульман лишь этапом в поиске. В частности, многие так называемые «новые шииты» Северного Кавказа, обратившиеся из суннизма, являются бывшими «хизбовцами». Вот что рассказывал мне один из основателей новой шиитской общины в Пятигорске, родом из Дагестана: *«Я пришел к исламу, вступил в «Хизб ут-Тахрир», участвовал в их деятельности в Дагестане. Но я чувствовал какую-то неудовлетворенность, стал много читать про ислам, искать свое в религии. Познакомился с шиизмом, увидел, что это и есть настоящий ислам. И таких, кто пришел в шиизм через «Хизб ут-Тахрир», немало»*²².

Борьба, которую вели на Северном Кавказе салафиты с проникновением в регион «Хизб ут-Тахрир» и «Нурджулар», показывает, как находившиеся на положении «нетрадиционных» салафиты использовали в ней практически те же аргументы, что и их противники. То есть в данном случае они становились «традиционными», а члены «Хизб ут-Тахрир» и «Нурджулар» – «нетрадиционными» мусульманами.

²¹ См. брошюру, которую распространяли среди членов Кабардино-Балкарского джамаата: Хизб ут-Тахрир аль-Ислямий (Партия исламского освобождения). Перевели и подготовили:

Р. Кудиев, А. Астемиров.

²² Ярлыкапов А.А. Интервью с Р.Л. (Полевой материал). – Пятигорск. 2 ноября 2015.

Примером превращения «традиционных» мусульман в «нетрадиционных» являются взаимоотношения кавказских ханафитов и шафиитов на Северном Кавказе и на российском Севере. Судя по интервью с кавказскими мусульманами, уехавшими на заработки, большинство из них прошли реисламизацию уже в миграции, приехав на Север. Проживая на Северном Кавказе, они ощущали себя мусульманами, но при этом часто имели весьма приблизительные представления об исламе и, как правило, не исполняли основные обязанности мусульман. По их рассказам, их причастность к исламской религии ограничивалась участием в похоронно-поминальных обрядах, в которых задавали тон старики. Приехав на Север, молодые люди стали интересоваться исламом, молиться, поститься, выплачивать закят и т. д. Именно здесь, по их мнению, они принимают ислам и становятся мусульманами.

Они не ощущают себя связанными с той формой ислама, с которой сталкивались на родине, хотя и придерживаются того же мазхаба, что и их соплеменники. Старшие, как правило, не занимались их просвещением, ограничиваясь проведением обрядов. Отсюда ситуация «взаимной чуждости»: молодые мусульмане, приезжающие на родину в отпуск, воспринимаются как носители «другого» ислама, и сами они ощущают чуждость местной традиции, которую уже не воспринимают как свою. Э., молодой человек из Дагестана, стал мусульманином в Новом Уренгое: *«Я не салафит и не ваххабит. Я делаю все так, как должно быть у нас в ханафитском мазхабе. Ханафитом быть очень тяжело – помимо обязательных дополнительные молитвы тоже идут почти как обязательные. Я все это соблюдаю. Когда приезжаю домой, мне сразу начинают делать замечания: почему у меня борода, зачем я ее отрастил. Я замечаю, что местные мусульмане отходят от нашего мазхаба. Говорю им, делаю замечания, и сразу становлюсь для них ваххабитом»*²³.

Это яркий пример того, как разное понимание ханафитской или шафиитской традиции приводит к серьезным разногласиям среди тех, кто следует одному мазхабу и формально принадлежит к так называемому «традиционному» исламу. Это подтверждает также интервью с имамами в Дагестане. Имам села Нариман Ногайского района Республики Дагестан: *«Сейчас в нашем селе строят мечеть молодые ребята, которые уехали на заработки на Север. Они начали строить вопреки мнению джамаата села. Да, у них там на Севере есть деньги, но они ваххабиты. Мы не хотим, чтобы мечеть села принадлежала ваххабитам»*²⁴. Молодые люди при этом придерживались того же ханафитского мазхаба, что и джамаат села, но уже воспринимались как «ваххабиты». Внутри «традиционного» ханафитского ислама произошла дополнительная дифференциация на «традиционных» и «нетрадиционных».

Исламская мозаика и перспективы государственно-конфессиональных отношений

Описанное выше многообразие форм ислама на Северном Кавказе должно учитываться при взаимодействии государства с религиозными институтами и организациями. Доминировавший до последнего времени подход во взаимоотношениях государства с исламскими общинами базировался на

²³ Ярлыкапов А.А. Интервью с Э., Новый Уренгой (Полевой материал. – 4 марта 2018).

²⁴ Ярлыкапов А.А. Интервью с Арслановым Мавлимберди Сулеймановичем, село Нариман, Дагестан (Полевой материал. – 30 сентября 2009).

различении «традиционного» и «нетрадиционного» ислама. Ныне постепенно приходит понимание непродуктивности политики противопоставления форм ислама. Это начинают осознавать и представители власти, и исламские активисты. Единой формы «традиционного» ислама на Северном Кавказе нет, регион издавна отличается большим разнообразием течений и групп: суннитов-ханафитов, шафиитов, разных суфийских братств, шиитов-имамитов – все имеют право считаться традиционными, и никто в отдельности не может претендовать на абсолютный приоритет в регионе.

Появление на Северном Кавказе салафитских групп еще более усложнило картину местного ислама. Власти долгое время пытались делать ставку исключительно на «традиционный» ислам, который на Северном Кавказе многолик. Сейчас официальная риторика отчасти меняется. Нынешний салафизм представляет собой «кипящий котел» идей, взглядов, подходов и методов, которые охватили суннитский мир, и потому современная религиозная карта резко «меняет цвета». Надо учитывать, что существует и феномен «электронных» муфтиев и имамов, которые целенаправленно проповедуют в сети Интернет. Все это влияет на российских мусульман и также создает на Северном Кавказе ситуацию «кипения». Происходящие процессы привели к тому, что здесь нет какой-либо одной салафитской группы с единым мышлением и идеологией. Многочисленные религиозные течения конфликтуют друг с другом либо пытаются наладить взаимные контакты.

Все эти процессы в исламском поле Северного Кавказа требуют большей гибкости от государства в выстраивании взаимоотношений с конфессиональными группами. Важным компонентом современных государственно-конфессиональных отношений становятся совместные усилия властных структур и религиозных авторитетов (не только представителей республиканских муфтиятов, но и приверженцев идей салафизма) в противодействии идеологии экстремизма и терроризма. Имамы мечетей и другие религиозные авторитеты на местах активно участвуют в адресной профилактической работе с лицами, подверженными воздействию идеологии экстремизма и терроризма; выступают с пятничными проповедями, осуждая насилие и разоблачая антиисламскую сущность террористических организаций «джихадистов», прикрывающихся религиозной риторикой. Вместе с тем государство начало содействовать межобщинному и межконфессиональному диалогу на Северном Кавказе, предоставляя различные дискуссионные площадки. Кроме того, властями предпринимаются усилия по форсированию процесса исламского образования. В 2017 году в Татарстане открылась Болгарская исламская академия, где студенты (в том числе из северокавказских республик) изучают исламское право (фикх), коранические дисциплины и хадисоведение. Пришло осознание, что тот, кто дает образование, владеет и умами. Была введена система партнерства светских вузов с религиозными, причем среди участников этих программ числятся известные российские вузы – Казанский федеральный университет, Московский государственный лингвистический университет, Пятигорский государственный лингвистический университет. Последний является основным партнером исламских вузов на Северном Кавказе, оказывая им научно-методическую помощь в модернизации учебных программ, особенно в части светских и языковых предметов, подготовке учебной и методической литературы.

Социальное и политическое доминирование ислама на Северном Кавказе сегодня очевидно, а множасьщееся количество конкурирующих течений создает весьма сложную картину. Уже трудно говорить о традиционном исламе и

исконных территориях его распространения. В отличие от христианства, у ислама отсутствует церковная иерархия, а глобальный ислам сейчас находится в активном идейном поиске. Ислам – это религия интерпретаторов, религия ученых, за которыми рядовые мусульмане вольны следовать по своему усмотрению. В такой быстро меняющейся ситуации государству важно проанализировать прежние упущения и выработать адекватную государственную политику в сфере религиозных отношений.

Заключение

На Северном Кавказе с конца 1980-х годов началась реисламизация, поэтому традиционная картина распространения течений ислама в регионе сильно изменилась. Здесь закономерно появились новые течения и группы, которые имели особое влияние на местную молодежь, усиливая мозаичность исламского поля в регионе. Из-за усиления политической роли ислама в регионе еще в 1990-е гг. появилось деление на «традиционный» и «нетрадиционный» ислам. Однако ислам на Северном Кавказе в силу мозаичности существует в нескольких формах «традиционного» ислама в зависимости от региона: ханафитский или шафиитский ислам, кадирийский или накшбандийский суфизм. Такая же конкурентная борьба развернулась и среди «нетрадиционных» форм ислама, в которой одни (салафиты) позиционировали себя как «традиционные», действуя против «нетрадиционных» – «Хизб ут-Тахрир» и «Нурджулар». Таким образом, меняющееся исламское поле Северного Кавказа является исключительно конкурентным, не вписывающимся в установленную дихотомию «традиционного» и «нетрадиционного» ислама. Государству в этих условиях важно найти правильные формы взаимодействия с исламскими сообществами, не допуская маргинализации тех или иных конфессиональных групп. Это сотрудничество государства с исламскими религиозными объединениями на Северном Кавказе должно быть взаимовыгодным и не только не конфронтационным, а прямо направленным на укрепление мира.

Литература

1. *Абдулманапов П.Г.* Динамика воспроизводства населения в регионах СКФО // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2019. – № 4. – С. 38–48.
2. *Акаев В.Х., Мамадиева М.Х.* Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 1 (81). – С. 100–104.
3. *Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М.: Наука, 2007. – 583 с.
4. *Буттаева А.М.* Качественная характеристика процесса исламского возрождения // *Исламоведение*. – 2014. – № 3 (21). – С. 30–35.
5. *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь*. Т. I / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 2006. – 655 с.
6. *Кожанов Н.* Внешнеполитические приоритеты Катара в эпоху эволюции мировых энергетических рынков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 9. – С. 108–117.
7. *Магомедов А.Дж.* Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // *Исламоведение*. – 2012. – № 3 (13). – С. 60–72.
8. *Мустафаев Т.* Несостоявшийся «Махди» // Газета «Черновик». – 2010.

– 11 июня. – Режим доступа: <https://chernovik.net/content/novosti/nesostoyavshiysya-mahdi-0/>

9. Приймак А. Координационному центру Северного Кавказа некого координировать // Независимая газета. – 2017. – 5 марта. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-05/12_418_kavkaz.html.

10. Рамзанова Д.Ш. Проблемы национального развития разделенного ногойского народа (на материалах Республики Дагестан) // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 3. – С. 48–54.

11. Такова А. «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 255–280.

12. Уинтер Ч. «Исламское государство»: как работает его пропаганда // Русская служба Би-би-си. – 2015. – 5 окт. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war

13. Ханбабаев К.М. Исламская радикальная элита в Дагестане // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 5. – С. 59–61.

14. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное // Исламоведение. – 2010. – № 2. – С. 79–89.

15. Шамаев А.М. Исторические аспекты исламизации Северного Кавказа (VII–XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2018. – № 3. – С. 15–23.

16. Шумилин А.И. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 50–60.

17. Marat Shterin & Akhmet Yarlykapov (2011): Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // Religion, State and Society, 39:2–3. – Pp. 303–325.

References

1. Abdulmanapov P.G. The Dynamics of Population Reproduction in the Regions of the North Caucasian Federal District. *UEPS: Management, Economics, Politics, Sociology*. 2019, no. 4. Pp. 38–48. (In Russian).

2. Akaev V.Kh., Mamadieva M.Kh. Islamic Revival in the North Caucasus: Disintegration and Integration Processes. *Academic Thought of the Caucasus*. 2015, no. 1 (81). Pp. 100–104. (In Russian).

3. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. *Religious and Political Extremism and Ethno-Confessional Tolerance in the North Caucasus*. Moscow. Nauka, 2007. 583 pp. (In Russian).

4. Buttaeva A.M. Qualitative Characteristics of the Process of Islamic Revival. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2014, no. 3 (21). Pp. 30–35. (In Russian).

5. *Islam in the Territory of the Former Russian Empire: Encyclopedic Dictionary*. Vol. I. Comp. С.М. Prozorov. Moscow. 2006. 655 pp. (In Russian).

6. Kozhanov N. Qatar's Foreign Policy Priorities in the Era of World Energy Markets Evolution. *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, no. 9. Pp. 108–117. (In Russian).

7. Magomedov A.J. Islamic Novations in Wedding Customs of the Peoples of the North Caucasus. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2012, no. 3 (13). Pp. 60–72. (In Russian).

8. Mustafayev T. Unfulfilled “Makhdi”. *Newspaper “Chernovik”* of 11.06.2010. No. 22. [Electronic resource]. – URL:

<https://chernovik.net/content/novosti/nesostoyavshiysya-mahdi-0/> (in Russian).

9. Priymak A. There is No One for the Coordination Center of the North Caucasus to Coordinate. *Nezavisimaya gazeta [The Independent Newspaper]*. March 5, 2017. [Electronic resource]. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-05/12_418_kavkaz.html (In Russian).

10. Ramazanova D.Sh. The Problems of Ethnic Development of the Divided Nogai People (based on the materials of the Republic of Dagestan). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2018, no. 3. Pp. 48–54. (In Russian).

11. Takova A. "Praying" Muslim Youth as a Subculture of the Kabardino-Balkarian Society. *State, Religion and the Church in Russia and Abroad*. 2016, no. 2. Pp. 255–280. (In Russian).

12. Winter Ch. "Islamic State": How Its Propaganda Works. *"BBC Russian Service"*. October 5, 2015. [Electronic resource]. – URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151005_is_propaganda_war (In Russian).

13. Khanbabaev K.M. Radical Islamic Elite in Dagestan. *Russia and the Muslim World*. 2010, no. 5. Pp. 59–61. (In Russian).

14. Khanbabaev K.M. Religious and Political Extremism in the North Caucasus: General and Specific Features. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2010, no. 2. Pp. 79–89. (In Russian).

15. Shamaev A.M. Historical Aspects of the Islamization of the North Caucasus (7th – 19th Centuries). *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2018, no. 3. Pp. 15–23. (In Russian).

16. Shumilin A.I. Middle East Conflicts Today: Between Religion and Geopolitics. *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, no. 1. Pp. 50–60 (in Russian).

17. Marat Shterin & Akhmet Yarlykapov (2011): Reconsidering Radicalisation and Terrorism: the New Muslims Movement in Kabardino-Balkaria and its Path to Violence // *Religion, State and Society*, 39: 2–3. 312 pp.